

Сидя на поваленной бочке и поглядывая на суетящийся в отдалении народ, я задумчиво подбрасывал и ловил мелкую серебряную монетку. Левая, не занятая монеткой рука периодически опускалась в мешочек с печеньем за очередной вкусняшкой. Чета гостиничных повелителей кастрюль и поварёшек на совесть выполнила мой заказ, заслужив сверх оговорённой платы премию. Теперь две вместительные сумки с лакомством уютно устроились за плечами Прапора и вместе с ним ждали своего часа в пространственном кармане.

Разум в очередной раз лениво прокручивал возможные последствия моих ночных походов.

Мысли о том, что на меня могут выйти, практически не беспокоили. Пожар в особняке уничтожит все улики внутри — зря я, что ли, заморачивался, открывая окна и поливая комнаты маслом? А следы работы группы людей, не чуждых духовной силе, снаружи всё равно направят расследование на тех, у кого был мотив. У нас же ни мотива, ни свидетелей, да и сама преступница вскоре отбудет вместе с караваном, чтобы никогда не вернуться на место преступления.

Если это не висяк, то я — добрая фея.

Гораздо интересней вышли результаты опытов на живом материале. Увы, большая часть наполеоновских планов разбилась о скалы реальности, и плюскопад пролетел мимо. Чего уж, большая часть идей дала отрицательный результат, а оставшаяся могла стать полезной только в перспективе. Впрочем, разочарования я не испытывал, пищи для размышлений получил более чем достаточно.

Например, так удивившие меня болезненные ощущения разрыва связи обрели логичное объяснение. Если классическая безмозглая марионетка взаимодействовала с хозяином в основном через тейгу, то согласившись служить мне, мертвяк обретал более плотную связь именно со мной.

Собственно это следовало заметить раньше. Изучая нить связи с первым разумным миньоном, скользя восприятием вдоль неё, мой разум шёл именно по дорожке личной силы. Так вот: если в связь вплетена часть энергетики владельца, то неудивительно, что её насильственный обрыв выходил довольно болезненным. Чем-то это походило на упрощённую связь тейгу/носитель.

К счастью, так получалось только с самостоятельно перебившей контроль куклой. Проверки показали, что при расторжении связи с моей стороны или физическом уничтожении разумной нежити кусочек родной духовной силы успешно — и безболезненно — возвращался обратно.

Также вызывал интерес тот момент, что при попытке синхронизироваться и передать энергию подопытному мне удалось почувствовать его жизненную силу. Не особо чётко, да, и сделать с ней тоже ничего не вышло — но всё же. Была у меня ещё мысль попробовать поиграть в вампира, но по здравому размышлению я от неё отказался. Качество и количество праны у бандитов явно уступало моему, а в крови её сосредоточено не сильно больше, чем в тканях тела. Даже если бы я не лопнул, выдув литров пять не самой чистой бандитской кровушки, то не получил бы особого профита даже при стопроцентном КПД поглощения.

Конечно, можно было попытаться сделать донора из того же Ящера, у которого жизненной энергии явно больше; но к тому моменту, когда эта идея меня осенила, рептилоид уже благополучно присоединился к коллекции немёртвых марионеток.

Короче говоря, проект «Носферату» я отложила на будущее, когда мне попадётся более-менее сильный подопытный. Желательно красивая девственница с любовью к правильному питанию. А если серьёзно, то я не видел смысла заморачиваться работой с чужой праной, пока не сдвинулось с мёртвой точки управление своей.

Для начала стоило внимательно изучить способность Ящера. Если у него вышло насытить энергией слюну, то почему так нельзя сделать с кровью? Может, если вместо прямого вливания духовной силы напоить добровольцев своей заряженной кровушкой, они не умрут? А если получится управлять праной и загнать осязаемое количество в небольшой объём алой жидкости, то откроется прямой путь к изготовлению лечилок. Почти что воспетых компьютерными играми баночек с красной жидкостью.

А что? Взять у Акиры шприц, откачать у себя насыщенной жизнью крови и забросить в пространственный карман. Если печеньки и булочки в нём не портились, оставаясь свежими и тёплыми, почему должна испортиться «банка здоровья»? Хотя несколько насекомых — межпространственных путешественников как раз таки «испортились». Мда... В любом случае, прежде чем думать о хранении гипотетических лечилок, их стоило научиться создавать.

«Ладно, хватит по десятому кругу гонять одно и то же, — мысленно хмыкнул я, хрустнув очередной вкусняшкой. — Лучше вспомню, как весело замочил в сортире того жирного борова, который расстроил Эрис. Отличная вышла шутка!» — при воспоминании об удачном визите к

директору театра на губы выползла лёгкая улыбка.

Играть в духа мщения — забавно.

* * *

— Девочка, купи кролика, — нещадно шепелявя, прервал мои думы какой-то прощелыга, что уже минут пять сверлил взглядом мою спину.

Низенький, чуть выше меня, мужичок неопределённого возраста от тридцати до пятидесяти долго бросал «незаметные» взгляды, но всё-таки не рискнул пойти на ограбление или воровство, решив, что лучше торговать, а не воевать.

Сообразительный.

«Коммерсант» мог похвастаться отсутствующими передними зубами и неоднократно сломанным носом на физиономии, заросшей щетиной и сальными патлами, изрядно потрёпанной бескомпромиссной борьбой с зелёным змием. Весь какой-то вертлявый и дерганый, типчик жадно-неотрывным взглядом глаз, красных от полопавшихся сосудов, следил за взлетающей и падающей серебристой монеткой, краем глаза опасливо поглядывая на катану.

— Зачем он мне? — осведомился без особого интереса. Покупать что-либо у этого несимпатичного, благоухающего «естественным ароматом тела» персонажа как-то не тянуло. Не из опаски подхватить насекомых или заразу, одарённых они не любили.

Просто — действительно, зачем мне нужен кролик, да ещё явно краденый?

— Как нашто? Подрушкам покажешь, зафидовать будут. Гля, какой жирн... тьфу, красивый! Во!
— продаван снял со своей ноши замызганную тряпку. Под ней оказалась плетёная из прутьев

клетка с белым кроликом внутри. Небольшой, размером с некрупную кошку, снежно-белый пушистый зверёк и впрямь выглядел весьма мило. Сразу видно, что кроль не мясной породы, а декоративной.

Явный домашний любимец, даже жаль его.

«Понятно, почему он не продал его на кухню или не приготовил сам. С такой добычи мяса даже на суп не хватит».

Я уж было хотел отправить торговца краденными питомцами попытать удачу в другом месте, но остановился, осенённый внезапной идеей. Для того, чтобы развить навык мысленного контроля марионеток, нужно много тренироваться. В идеале — дни, недели и месяцы чистого времени, а не полчаса раз в сутки, как сейчас. И марионетка-кролик тут подходила как нельзя лучше. Милый питомец — это вам не подозрительный, непонятно откуда взявшийся молчаливый мужик, с ним можно ходить практически где угодно. А одну куклу, тем более столь слабую, можно поддерживать неопределённо долго, вообще не замечая нагрузки.

Перспективно.

Если бы не вчерашние эксперименты, столь простой и незаметный способ тренироваться не скоро бы пришёл мне в голову. В конце концов, чисто и аккуратно умертвить катаной столь миниатюрное существо — непростая задача. Но как выяснилось, не обязательно убивать именно тейгу; достаточно пустить жертве немного крови и держать Яцуфусу рядом с ранкой, а оборвать жизнь можно хоть рукой, хоть иглой.

Даже то, что все восемь слотов пространственного кармана сейчас заняты, не являлось проблемой. Вчера я убедился, что — в отличие от лимитированного количества пространственных ячеек — число контролируемой нежити не так строго ограничено. Вероятно, ограничения накладывались только личной силой и выносливостью хозяина артефакта.

Нашлась и существенная ложка дёгтя: такие миньоны «жили» только на непрерывной подпитке. Их нельзя отправить «на отдых» в пространственный карман, а в случае прекращения подачи силы скрепы стремительно рушились и душа ускользала, так что во

второй раз такого слугу уже не поднять. Если бы я обладал внеранговой мощью и огромной скоростью восстановления сил, то и впрямь мог бы вести в бой неисчислимые легионы мёртвых.

К сожалению, пока придётся ограничиться кроликом. Что тут сказать? Даже великие злодеи когда-то начинали свой путь, отбирая сладости у других малышей.

— И сколько ты за него хочешь? — спросил я, чуть улыбнувшись своим мыслям.

— Се-серебруху! — еле заметно передёрнувшись, задрал цену шепелявый.

— Держи, — вожаденная монета, крутясь в воздухе и сверкая боками, отправилась в руки оборванцу.

Занятно оказалось наблюдать за сменой чувств на пропитом лице. Удивление, неверие и радость быстро уступили место алчности, досаде и злости на юную богатейку и «слишком низкую цену», всё это смешивалось с опаской, что такой желанный кусочек благородного металла могут отобрать. Забавный крысюк, хоть и раздражающий.

— Но учти, — добавила строго, — если ты украл его где-то рядом и мне испортят настроение его бывшие хозяева, я не пожалею денег на взятку страже, чтобы они тебя нашли и переломали конечности.

— Э, вы чего, господиночка?! — взглянув в серые глаза смазливой соплячки, битый жизнью бродяга нутром понял, что она не шутила и даже не угрожала. Совершенно обыденным тоном девчонка предрекла ему лютую смерть, если ей доставят беспокойство.

Ох и не зря он остерёгся по тихому стукнуть соплюху по голове, пока никто не видит! Вовремя заметил её клятое рубило!

«Всратые благородные!» — В сословной принадлежности девчонки бродяга даже не сомневался. Губы гузкой не кривит и нос платочком не затыкает, но по глазам видно, что за человека не считает и спеси внутри у сучки поболее, чем у затыкальщиц.

Он бы пофантазировал, как прижмёт малявку к стенке, наматывает волосы на кулак и покажет бабе, кто есть кто, но, несмотря смазливое личико и гладкую светлую кожу чистенькой девки, в штанах если что и шевельнулось, то только чтобы сжаться. Даже от записных душегубов чуялась выкручивающая кишки опасность, но не это безразличие стылой могилы. Незаметно озираясь, бродяга выглядывал затаившихся горлохватов. Но никого не высмотрел.

В памяти всплыли леденящие кровь истории о развлечениях и шуточках господ, где охота на двуногую дичь стояла в самом начале списка. Оставалось молиться, что его кривая харя не заинтересует эту жуткую деваху: благородиям всегда нравились чистенькие и смазливые.

Скупщики живого товара отлично платили за хорошеньких девок и пацанов, которые пропадали в их лапах, как камень в пруду. Плеснь — и нету, а в чёрном борделе снова нехватка шлюх. Ещё хорошо платили за здоровых младенчиков: на улицах баяли, что из них варят молодильную бурду для богачей. За кривомордых и вонючих мужиков никто не платил. Кому такие нужны? Так ведь?

Молодой бродяга поёжился. Прав был покойник-папаша: благородия — это твари похлеще монстров! Настоящая нелюдь!

Но, несмотря на свой страх, два литровых штофа огненной под хорошую закуску от пуза представлялись для двадцатилетнего жителя трущоб слишком манящей целью. Подумать только, целая серебруха на халяву! И чего он не влупил две?! Тогда б и на баб хватило! Но мысль потребовать дополнительную плату как мелькнула, так и пропала. Не-ет, лучше с «деловыми» права качать, чем с этой.

Отступив на шаг, он снова мазнул взглядом по объекту своих размышлений. А та, не изменив расслабленной позы, с растущим интересом поглядывала в ответ, словно...

«Яйца Тёмного!» — замысловато матерясь про себя, бродяга очень медленно, — не дай Триединый выронить! — поставил клетку на землю.

— Шмыг, эта, шхестный торговец! Шмыг не кидала! — неумело скрывая страх, сглотнул кривоносый. — Всё тип-топ, всё по щесному, — оставив клетку и опасливо пятясь, приговаривал честный торговец краденым. — Всё шито-крыто, — дойдя до угла какого-то сарая, оборванец шмыгнул за постройку и был таков.

«Пугливый какой-то. Если он честный, то чего бояться? Без повода, за одни взгляды, с ним возиться никто бы не стал. Я ведь, хех, добрая волшебница, а не злая, даже за ангела вчера ночью приняли, хе-хе. Тёмного», — я крутнул меж пальцев не пригодившуюся метательную иглу.

* * *

— Ну что, пушистый? Не повезло тебе? — извлечённый из клетки зверёк доверчиво сидел у меня на коленях, с удовольствием принимая поглаживания.

Действительно ручной.

Несмотря на не располагающую к подобному профессию, было немного жалко его убивать. Даже та моя часть, что привыкла с одинаковым безразличием отправлять на перерождение мужчин, женщин, детей и стариков, не хотела умертвлять «милого пушистика».

Похоже, классовая уязвимость девочек-волшебниц ко всему кавайному не обошла и меня. Позор!

Не то чтобы пересилить жалость оказалось очень трудно, но «сила милоты» заставила ненадолго задуматься о целесообразности создания куклы-кролика. К сожалению, другие эксперименты выходили более болезненными. Печально вздохнув, постарался сделать всё быстро, нанеся животному небольшую ранку клинком, одновременно ударив стальной спицей в ухо.

«Мда, ачивка «Убийца милых зверушек» получена. Достижение «Абсолютное зло» всё ближе», — не особо весело, без внутреннего задора, мысленно пошутил я.

Мне и правда было немного жаль похищенного у хозяев ушастого.

Апатично сидящий кролик-марионетка не слишком походил на живого питомца — и я, недолго думая, отдал приказ на пробуждение его «разума», ну или что там его заменяло у животных, одновременно послав подчиняющий импульс. Будто проснувшийся зверёк начал прядать ушами, вертеть мордочкой и принюхиваться, но убежать не пытался. Внутри появилось ощущение того, что новый член коллекции полностью подчинён и выполнит любой приказ.

Судя по всему, управлять животными куда проще, чем разумными.

«А что? Ничем не хуже живого!» — подумал я, забавляясь со зверушкой, которая, наверное, и не поняла, что её закололи и превратили в нежить. Зверька было всё ещё немного жаль, но идея его убить и поднять уже перестала казаться такой изуверской.

Зато теперь пушистик принадлежит мне. Только мне!

* * *

Сидя спиной к солнцу, я разглядывал плывущие по небу облака, пальцы отвлечённо крутили метательную иглу. Поначалу выходило немного неуклюже, но по мере стряхивания пыли с заржавевшего навыка, стальная спица мелькала всё быстрее, будто обретая подобие жизни. Питомца с указанием далеко не убежать я отпустила по своим делам и он ускакал исследовать округу.

И не скажешь, что нежить.

...Можно пойти помочь Наталу, который стоически превозмогал словоблудие толстого торговца, пытаясь по нашему с Акирой наущению выбить группе дополнительные блага. Можно переместиться в карету и почитать мангу, образовательную книгу или бестиарий. Можно наведаться к Эрис и помешаться под ногами у суесящихся артистов или придумать ещё что-нибудь, но...

Лень.

Бессонная ночь не слишком вымотала физически, однако шум с людской суетой вызывали раздражение. Хотелось немного посидеть в относительной тишине и одиночестве, не напрягая мозг. Поэтому я без особых мыслей меланхолично разглядывал плывущие в небе скопления пара. Вот облако, похожее на Небесного Ската; вот парит кривоватая копия моего нового ушастого питомца; здесь группа облачков напоминает букет полевых цветов; а вот это похоже на отрубленную голову с длинной косичкой...

Созерцание облаков неплохо успокаивало, и когда меня отвлекли целенаправленно приближающиеся мягкие шаги, в душе царило почти полное умиротворение. Невесомая, почти неслышимая походка двух пар ног, могла принадлежать только кому-то, не чуждому боевых искусств. Учитывая, что из толковых бойцов здесь только наша компания, несложно догадаться, кто собрался меня побеспокоить. Один из идущих еле заметно прихрамывал, а походка второго, вернее, второй, совсем не напоминала массивного Бэйба или высокого Натала.

По мою душу явилась наша «семейная пара».

— Лови! — повернувшись к неожиданным визитёрам, движением кисти отправил в Кея метательную иглу.

— Что Куроме-чи, ностальгируешь по старым денькам? — усмехнулся парень, перехватив и отправив острый металл обратно.

— Немного, — признал я, продолжая перебрасываться с парнем одиноким снарядом.

— Хватит вести себя, как дети! — попыталась прекратить «безобразие» Акира. — Куроме, караван скоро отбывает, не засиживайся.

— Ха-ха, тоже хочешь поиграть, Акира-чи? — засмеялся брюнет и бросил длинную иглу уже в неё.

— Ещё чего! — девушка не стала возвращать «подарок» назад, а соорудив злобную гримаску, положила его в подшлемник.

— Вредина! — Кей Ли обвинительно ткнул в подружку пальцем.

— Фигляр! — не осталась та в долгу.

— И горжусь этим!

— Тем, что ведёшь себя, как глупый мальчишка? — фыркнула рыжая, готовясь начать традиционное наставление своего бойфренда на «путь истинный», но тут в её поле зрения попал неудачно выскочивший из-за угла пушистик.

Глаза девушки азартно сощурились, ноздри затрепетали, а согнутые на манер когтистой лапы пальцы предвкушающе дрогнули. Несчастное животное почувствовало опасность и устремилось прочь в прыжке. Но разве мог декоративный любитель морковки тягаться со сверхъестественной реакцией выпестованной с детства убийцы? Чёрная тень с рыжими волосами размазалась в ускорении, и беззащитный комочек меха оказался выхвачен прямо из воздуха. Его участь была предопределена.

— Какая прелесть!!! У-ти моя милашечка! — несчастный кроль опустил уши, даже не пытаясь вырваться. Очевидно, он уже внутренне принял свою незавидную судьбу. — Куроме, Кей, смотрите, какую красотулю я нашла!

— А мне достаются только тумачи! — понурился парень. — Но я ведь лучше! — в глазах вскинувшего голову Кей Ли, мешались боль, тоска и надежда. — Скажите, ведь я лучше... кролика?! — на последнем слове его голос «предательски» дрогнул, а в глазах вспыхнула лихорадочная вера.

— Шут! — рыжая отвернулась от упавшего на колени и изображавшего крушение всех надежд парня. — У-ти моя девочка, моя красавица! Не слушай этого дурня, конечно, это ты самая лучшая! А если мы повяжем на ушко бантик, будешь самая-пресамая!

«Откуда у неё бантик? — я недоумённо посмотрел на Акиру, что споро повязывала на длинное ухо нежно-розовый бант. — Хотя нет, не хочу знать, — ещё раз глянул на счастливо сюсюкающую девушку. — Вдруг это заразно?»

— У-ти милочка, настоящая принцесса! А где твои хозяева? Нужно тебя вернуть, — оторвавшись от своей жертвы, Акира повернулась ко мне. — Куроме, ты не видела хозяев этой малышки? Она, наверное, потерялась и нам нужно её вернуть. Да, моя хорошая? Да, моя прелесть? Вернём тебя твоим глупым хозяевам?

— Давай пушистого сюда, и попрошу без оскорблений, — я, подавив рвущуюся на лицо улыбку, протянул руку в сторону зверька.

— Тоже хочешь погладить Принцессу? — заулыбалась рыжая. — Хи-хи, ты ведёшь себя как маленькая цундере, Куроме. И почему ты заступаешься за её ротозеев-хозяев?

— Вообще-то я и есть хозяйка, — хмыкнул я, когда принял животное из рук девушки. — Я купила этого кролика и выпустила немного погулять.

— Ты?! — удивлённо распахнулись тёмно-зелёные глаза.

— Я. А что такого?

— Хи-хи, ничего. Просто ты так строила из себя злоку и зазнайку, что я и забыла, что ты наша милая малышка Куроме.

На этих словах я скис, вспомнив, как года три с половиной назад небольшая, но активная группа женской части Отряда, движимая проснувшимися гормонами, записала хрупкую и невысокую младшую девочку в коллективные младшие сестрёнки. И всё бы ничего, но так как на Базе с развлечениями не густо, а свободного времени под конец подготовки, наоборот, стало предостаточно, то к ним со скуки присоединилось немало более адекватных особ.

Да... это было время боли и унижений.

Конечно, первое место в Рейтинге силы и специфичное воспитание будущих убийц снизили накал абсурда, но не убрали полностью. Для настоящих закидонов на Базе сложилась не та обстановка; но чувствовать опеку от тех, кто слабее, оказалось странно и несколько смущающе. Разумеется, с высоты нынешнего опыта поведение девчат выглядело более-менее понятно и вызывало разве что улыбку, но вот тогда это действительно напрягало.

Девочки не хотели ничего плохого, даже наоборот — но когда щебечущая стайка норовит угостить тебя вкусеньким, подать тренировочный клинок или ещё как-то позаботиться, это... непонятно. Отношение словно к слабачке, не способной сделать простейшие вещи самостоятельно, задевало гордость, но и в ответ на приязнь проявлять агрессию казалось неправильно. Слова же до разумов «старших сестрёнок» доходили слабо. Приходилось либо терпеть, либо скрываться в малопопулярной среди большинства ребят библиотеке.

С тех пор мне и не нравилось, когда кто-то кроме Акаме называл меня сестрёнкой. Прямо-таки детская психическая травма, однако.

Благо — долго это не продлилось. Явившийся лысый ублюдок Билл со своими прихвостнями активно взялся за наведение своих порядков и быстро обеспечил всех новыми впечатлениями и заботами. Стыдно признаться, но я-Куроме тогда даже ощущала небольшую благодарность в адрес объявившегося командира.

— Ну-ну, не дуйся, — заулыбалась Акира. — Вы с Принцессой так мило смотрите вместе, так бы и затискала!

— А как же «взрослое и серьёзное поведение»? — спросил я, насмешливо глянув в сияющие глаза рыжей.

— Кто бы говорил, мисс жестокая убийца с жутким мечом — хозяйка миленькой зверушки, — беззлобно огрызнулась Акира и придвинулась ближе.

— Я на два года младше, мне можно. И Яцуфуса не жуткая, она классная, — «опасливо», а на самом деле больше для виду отсел я от рыжей.

— Ха-ха-ха! Грозная Куроме-чи боится, что её затискают! — стал насмешничать Кей.

— Зато кое-кто другой совсем не боится смерти.

— Тебе меня не запугать! — расправил плечи и выпятил грудь брюнет. — У меня есть секретное оружие! Акира, в атаку!

— Негодяи, — кисло пробурчал я, будучи заключённым в объятия девушки. Тем не менее, не слишком усердно подавляемая улыбка разрушала впечатление нарочитого недовольства. — Правильно говорят: муж и жена — одна сатана. — Порозовевшая Акира только сильнее сжала руки и зарылась лицом мне в причёску.

Память прошлой жизни позволила спокойно относиться к подобным поползновениям, не усматривая в этом попыток принизить себя как воина. Собственно, если отстраниться от трескотни сокомандницы, то объятия красивой девушки были исключительно приятны. Да и перешучиваться с Кеем, угрожая посредством теперь своего ушасто-пушистого секретного оружия отбить у него подругу... забавно. Как и желание уже рыжей отодвинуться от моих поползновений в её сторону. Играть в «потискай подругу» можно ведь и вдвоём, хе-хе.

Зачем всё это представление с игрой в цундере? Мне показалось выгодно пойти на поводу у Акиры — оттого и такая преувеличенная реакция. Притом отнюдь не спонтанная: благодаря ускорению мышления линию поведения я обдумал, когда девушка только поймала кролика.

Служба в Семёрке и похолодевшие отношения со всеми, кроме Натала, после её окончательного распада отдалили меня от остального Отряда. А доверие группы необходимо, чему мешала некоторая настороженность со стороны рыжей. После пары моих экзерсисов во время зачисток у вспыльчивой, но, в общем-то, не злой и любящей детей Акиры нет-нет, да проскакивала какая-то опаска в мой адрес — будто к хищному зверю, от которого не знаешь, чего ожидать. Да и моих марионеток и тэйгу она считала жуткими (и почему никто не любит некромантов?).

В общем, для улучшения взаимоотношений стоило показать, что я всё та же привычная и понятная Куроме, которую она знала по совместному обучению.

По моему скромному мнению, вышло неплохо. Обе мои половины не отличались актёрскими талантами, но здесь и не требовалось врать — достаточно просто раздуть и выставить напоказ имеющиеся чувства. Правильный выбор тактики — и несколько воображаемых очков репутации у меня в кармане.

Главное — не говорить Акире, что милый питомец, о котором она так увлечённо болтала, продолжая наглаживать — марионетка Яцуфусы. Иначе неловко может получиться, хе-хе.

* * *

Устроившись рядом с приоткрытым окном кареты, я достал том Истории Империи, положив его на колени. Крупноформатная книга с золотой надписью на переплёте из красновато-коричневой кожи выглядела очень солидно и достойно смотрелась бы в любой библиотеке.

«Будем надеяться, что дедок из книжного не обманул и внешность соответствует содержанию», — хмыкнул я, побарабанив пальцами по обложке.

Недавно прошедший лёгкий дождь прибил пыль к земле и в приоткрытый оконный проём задувал свежий воздух. Ребята или дремали, или молча глядели в окно. Мой ушастый и пока что безымянный миньон (на предложенную Акирой кличку «Принцесса» я не согласился), накормленный рыжей, тихо дремал в уголке, на подстилке из её дорожного плаща. В общем, обстановка прекрасно подходила чтобы немного погрызть гранит исторического знания.

Перед тем, как начать знакомство с книгой, я ещё раз остановил взгляд на пушистике. Когда Акира принесла тарелку с кусочками фруктов и овощей, в голове закрутились мысли, как бы обосновать отсутствующий аппетит немертвого зверька. Но к моему удивлению, белый кролик с удовольствием принял угощение, а мне пришлось выслушивать занудные наставления о необходимости заботиться о тех, кого приручил. Впрочем, я не вслушивался, усиленно размышляя о возможных перспективах открытия.

Как я уже знал, марионетки могли дышать, а могли обойтись и без воздуха, немного поднимая расход сил на своё поддержание. Так же и с ранами: кукла с вырванным сердцем "кушала" несколько больше сил, чем её целая товарка. То есть, чем больше марионетки походили на живых, тем меньше получался расход энергии на их содержание. Получается, при удаче можно ещё сильнее снизить затраты с помощью пищи, да и регенерация при этом могла возрасти.

Правда если я начну кормить своих слуг, то придётся их и, хм, выгуливать. А может, и не придётся: мало ли, как у них всё устроено? В общем, надо проверять.

На заметку: узнать, как мертвяки относятся к свежей плоти как носителю праны.

* * *

«Ха! А хитрый книготорговец меня таки надул!» — хмыкнул, углубившись в чтение. Нет, формально он выдал именно то, что и требовалось — изложение фактов без осточертевшей дубовой пропаганды. Вот только и на не напрягающее ознакомительное чтиво данный труд не слишком походил. Хотя кто его знает, того дедка; может, для него сие и впрямь — словно развлекательная литература?

Суховатый академический язык изложения пестрел множеством дат и имён, вызывая зевоту вместе с воспоминаниями о долгих ночах в ином мире, которые мне-Виктору довелось провести за зубрёжкой. К счастью, сейчас никакой необходимости заучивать все эти бесконечные и бессмысленные даты рождений, свершений и смертей не просматривалось. Чтобы ориентироваться в общей картине — кто, куда, чего и зачем — вполне хватало беглого ознакомления с событиями.

Тому, что нам преподавали в Подземной Базе, я не доверял. Сложно доверять предмету, основная суть которого сводилась к тому, какими безупречными героями выступали «наши» и каким мерзким сборищем ублюдков, вобравших в себя все возможные пороки, описывались «не наши».

В роли «наших» играли в основном Императоры, Служба Разведки и — частично — высшая аристократия. За «не наших» могли играть как «поганные западники» и прочие иностранцы с

бунтующими Королевствами, так и родное провинциальное дворянство, мечтающее взять больше власти. Также заметную роль играло обезумевшее мужичье, которое вместо усердного труда периодически устраивало бессмысленные и беспощадные бунты.

Вот просто ни с того, ни с сего, ага.

Кстати, бунтовали крестьяне регулярно. Почти при каждом Императоре случались охватывающие целые регионы масштабные волнения. Ну, а мелкие восстания возникали и подавлялись чуть ли не каждый день. В основном крестьян, недовольных огромной арендной платой и непосильными налогами, разгоняла полиция. Вооруженные же выступления достаточно быстро гасились армией или даже более-менее сильными дружинами крупных землевладельцев. Оно и неудивительно. С топором и вилами против винтовок, пулемётов и артиллерии не попрёшь, имперская власть никогда не церемонилась с бунтовщиками. А уж если в составе частей или дружин были Воины Духа...

Нередко горстка бойцов средне-низких рангов рассеивала отряды во многие сотни и даже тысячи человек.

Я и сам прекрасно знал, как это делалось. Достаточно вырезать несколько десятков самых смелых, да покрасочней, чтоб кровь и кишки долетели до лиц задних рядов — и «воинство», моментально превратившись в паникующую толпу, разбегается в стороны. В принципе, этот фокус работал и с морально нестойкими войсками РА. Заметную угрозу представляли лишь полки мотивированных солдат, вооруженные хорошим огнестрелом, а остальные для хорошего воина духа не опаснее муравьёв. Своих же Воинов Духа у революционеров не так чтобы много: стоящие бойцы могут хорошо устроиться и в имперских структурах.

В общем, пренебрежительное отношение к Революционной Армии не удивляло. На страницах государственных газет частенько встречались заявления о том, что бунтовщикам позволили захватить парочку провинций лишь затем, чтобы потом поудобнее прихлопнуть всех разом.

Идиотизм, но многие в него верили.

В учебниках Базы всё политизировалось так же сильно, как и в газетах. Что говорить, если свои основные знания Истории я-Куроме почерпнула не из них, а в библиотеке, когда

пряталась там от назойливых «старших сестрёнок»!

Вот библиотека на Базе была действительно богатой. Правда, не имеющие отношения к учёбе и службе книги никто не систематизировал. Складывалось ощущение, словно, выполняя приказ сверху, их распихали по полкам, даже не удосужившись разобраться, что и куда ставят.

Там мы и сошлись с Ву Минг, которая играла роль самопровозглашённого библиотекаря. Самое грустное, что не подружись мы с девушкой, она бы не попала в нашу группу и не погибла на первом же задании; возможно, она дожила бы до этого дня... Вспомнив старающуюся быть всегда серьёзной темноглазую брюнетку, которая для пущей солидности даже купила очки с простыми стёклами, я, грустно улыбнувшись, перевернул страницу.

«Надеюсь, твоя следующая жизнь будет лучше, подруга».

Спустя некоторое время, после оценки скромного количества прочитанных страниц и сравнения со стопкой не открытых, в голову закралась мысль, что даже при чтении наискосок на ознакомление уйдёт неоправданно много времени. А ведь у меня припасены и другие книги. Немного поразмыслив и пожалев о не освоенном в прошлой жизни навыке скорочтения, вспомнил, как ловко у меня стало получаться ускорять мыслительный процесс.

Почему бы не попробовать читать в этом состоянии?

Раньше я, как и многие наши, пытался форсировать выполнение теоретических уроков и заданий с помощью способности ускорения, но быстро бросил это бессмысленное занятие. Навык изначально затачивался под другие задачи, и большая часть ресурсов шла на увеличение физических возможностей. Это не мешало соображать в бою, но серьёзно осложняло отвлечённую мыслительную деятельность. Эффективность выходила примерно такая же, как попытка во время поединка заняться сложными вычислениями. Прочесть-то текст, ускорившись, нетрудно, — а вот с запоминанием и осмыслением возникали большие сложности.

Но это раньше. Сейчас я вполне неплохо манипулировал восприятием субъективного времени и мог ненадолго разогнать мышление с восприятием раз в триста или, не особо напрягаясь, некоторое время поддерживать ускорение в десятки раз. Немного поиграв со способностью,

удалось приноровиться читать в таком состоянии, периодически делая перерывы на отдых, осмысление и конспектирование особо интересных моментов.

«Если научусь ещё и ставить красивую подпись, то достижение «Человек-бюрократ» у меня в кармане».

* * *

Спустя несколько часов, с гудящей от непривычной нагрузки головой листая свои заметки, я озадаченно почёсывал щёку. Из меня, конечно, тот ещё историк и аналитик, а поверхностно разобранный труд — это совсем не дворцовый архив с подлинными документами, но даже так следовало много над чем задуматься. После осмысления (и сопоставления прочитанного с историей прошлого мира) картина выходила занятная... и не слишком позитивная.

По всему получалось, что нынешняя паршивая ситуация сложилась отнюдь не с приходом Онеста на пост и даже не при отце или дедушке нынешнего правителя, а уходила корнями веков на пять-шесть в прошлое — в те давние времена, когда Империя перестала расширяться территориально. Вообще следовало ожидать: здоровое государство должно расти либо вширь, прирастая территориями и ресурсами, либо вглубь — реформируясь и эволюционируя. Стагнация же всегда и всюду вела к деградации, причём Империя ещё долго продержалась. А если вернуться к текущему моменту, то могло так оказаться, что многие нехорошие действия премьера обусловлены не только его врождённой злобностью, а скорее внешними обстоятельствами и стоящими за ним людьми.

Но начнём по порядку.

Империя зародилась на месте нынешней Столицы и выросла явно не из стойбища дикарей. Об этом писалось скупо, но, судя по всему, Первый Император банально захватил власть в анклаве развитой цивилизации, а не «возглавил растерянный и разрываемый противоречиями народ». Ещё один любопытный факт в копилку: до появления Первого и даже во времена его правления аристократии как таковой не существовало. Упоминались наместники, высокопоставленные чиновники и приближённые к Императору тейгуюзеры, но ни слова о феодалах или аристократических родах я не нашёл. Зато обнаружил намёки на повсеместно высокий уровень образования и равенство тогдашних граждан перед законом.

М-да, неудивительно, что нынче о тех временах не любят писать. А если вообще пишут, то старательно опускают "лишние" подробности.

Хотя опираясь на куцый список приведённых в книге непроверенных фактов можно прийти к любым желаемым выводам. Поэтому заострять внимание на событиях тысячелетней давности я не стал, сконцентрировавшись на более близких временах — начиная от пятого века и далее.

До того момента, пока легко завоёвываемые земли не закончились, всё шло если не отлично, то неплохо. Дикарские княжества включались в состав страны, захваченные богатства свозились в метрополию. Строились крепости новоиспечённых феодалов, которые служили не только защитой от монстров и недружелюбных соседей, но и форпостами для новых завоеваний. В Столице развивались культура и искусства, возводились циклопические сооружения и вроде как понемногу рос уровень науки с техникой. Хотя, если судить по разнице между шингу и тейгу, последнее утверждение вызывало сомнения, но оставим это на совести авторов прочитанного труда.

Увы — как рано или поздно всё хорошее, доступные для расширения земли тоже закончились.

В один прекрасный момент стало ясно, что оставшиеся не захваченными территории либо бесперспективны, либо заняты обосновавшимися в точках концентрации природной энергии хтоническими монстрами, либо пребывают под рукой нарастивших мускулы соседей. Империя всё так же осталась самой сильной и развитой страной, но из-за огромной территории не могла сосредоточить значительную часть армии в одном месте из-за трудностей с логистикой, что и положило расширению конец.

Вероятно, тогда имелся шанс повернуть экспансию вовнутрь, пойдя по интенсивному пути развития. Выбить монстров с плодороднейших Диких Земель, осушить болота, создать ирригационные сооружения в засушливых землях, заняться производством техники и наконец подтолкнуть буксующий прогресс. Но... не срослось.

А как нас учит опыт государств моего прошлого мира, если империя перестаёт развиваться — она начинает разлагаться.

Поток ценностей и пленных, обращаемых в зависимых крестьян, пересох. Начались трения

между окраинными и центральными лордами. Множество младших сыновей, ранее успешно завоёвывавших себе надёлы на чужбине, принялись делить родительские владения. Обострились противоречия между старой аристократией, владевшей просто громадными территориями и богатствами, и сравнительно нищей новой. Из-за уменьшения доли земли на отдельного помещика крестьян принялись обдирать более активно. Начали выступать против властей магнаты, недовольные упавшей прибылью, высокими налогами и отсутствием возможности влиять на политику. Дворяне же со всё большим интересом поглядывали на их предприятия...

Начались весёлые времена интриг, междоусобных войн, восстаний и расцвета кланов убийц. В отличие от голопузых и практически не имеющих могущественных бойцов варваров, интересы лордов и лордиков отстаивали те же закалённые в боях ветераны, да ещё и вооружённые на том же техническом уровне, что солдаты метрополии.

В конце концов, хотя не без потерь и очень не сразу, но «столичной партии» удалось подавить всех недовольных. И, естественно, вместо того, чтобы задуматься о каких-то там реформах, правительство, желая выдрать потенциальным бунтовщикам когти и зубы, родило гениальный в своём идиотизме закон «о разумном ограничении распространения опасных технологий».

Нет, в идеале-то концентрация производств в одном месте, да ещё вдали от монстров, сильно (и действительно) не любивших источники загрязнения, действительно могла пойти на пользу научно-техническому развитию страны. Только где идеал, а где реальность? Нужно быть очень наивным человеком, чтобы не углядеть в принятом законе шкурных интересов определённой группы лиц. Прибавляем к этому дурную инициативу исполнителей, перегибы на местах, взятки, воровство, злоупотребления и прочие прекрасные явления, способные обратить самый замечательный проект чуть ли не в его антипод — и понимаем, что шансов получить из затеи что-нибудь хорошее не проглядывало изначально.

Все расположенные за пределами Внутреннего Пояса высокотехнологичные производства свернули. Также закрылись многие высшие и даже средние учебные заведения, расположенные в провинциях. Тогдашний премьер-министр написал в своём обращении к Императору прямо, без экивоков: «Нечего плодить вольнодумцев!».

Как водится, вместе с вольнодумными прижали и просто думающих.

В итоге благодаря решениям тех восхитительных людей плохо стало всем. Разумеется, кроме них самих, то есть представителей высшей аристократии и сращенных с ней крупнейших

промышленников центральной Империи, которые, сожрав конкурентов, махом укрупнились в несколько раз и оказались монополистами. Этим-то как раз стало очень хорошо, а их потомкам прекрасно жилось до сих пор.

Но если нет конкуренции, то и напрягаться, поднимая качество продукции, тоже нет смысла. Кому нужны новые изобретения, если и так всё хорошо? В книге этого не писали, но я бы не удивился, узнав, что после данных событий и так потихоньку издыхающую науку посадили на голодный паёк «бухенвальдского крепыша».

Тогдашний Император, как руководитель страны, в общем-то, тоже оказался среди пострадавших. Но то ли он не мог ничего сделать, опасаясь «апоплексического удара тяжёлым тупым предметом по голове», то ли не захотел.

Как и его потомки. Им ведь тоже не приходилось жаловаться на жизнь.

Вот в такой прекрасной ситуации страна и подошла к Гражданской войне четырёхвековой давности. Провинции дружно ненавидели жирующую на неподъёмных налогах метрополию, закрепощённые крестьяне ненавидели дворян, безземельные дворяне ненавидели титулованных. Сами же титулованные феодалы окончательно превратились из чего-то полезного в ничего не делающих, но получающих колоссальный доход паразитов. Ну и вдобавок ко всему имевшие богатства, но не имевшие власти и статуса магнаты, объединившись под гнётом дворянства, накачивали деньгами своих протеже, грезя о буржуазной революции.

Этот котёл не мог не лопнуть.

Что из этого следовало? Проклятый, Безумный или Чёрный (как его только не называли!) Принц мог и не быть одержимым властью ублюдком, как его рисовали на страницах книг. За таким человеком вряд ли пошло бы множество неглупых людей, часть Армии и даже Имперских Рыцарей, как тогда назывались владельцы тейгу. Да и не будь его, недовольные всё равно бы никуда не делись, а восстание возглавил бы кто-то иной.

По непонятной причине к мятежникам прошлого, в отличие от нынешних революционеров, в моём сердце тлеет необъяснимая симпатия. Почему-то казалось, что они и в самом деле

планировали прочистить «канализацию Империи» от накопившегося там окаменелого дерьма, а не пользовались красивыми лозунгами для обстряпывания личных интересов.

Не очень понятно, откуда всплыло такое отношение. Возможно, оттуда же, откуда взялись воспоминания о роде Будо или словно сами собой выстраивающиеся картины прошлого. В любом случае, даже несмотря на достоверность информации о наследственных главнокомандующих, я не спешил идти на поводу у навеянных чувств.

Так или иначе, но даже если восставшие хотели как лучше, получилось у них как всегда (потому что иначе мы сейчас жили бы при совсем иной Империи). Пламя войны охватило практически всю страну. Юг и Восток встали на сторону мятежа, Север и Запад тоже проявляли беспокойство; а уж когда к веселью присоединились соседи, так и вовсе получилась та ещё дискотека. Если книга не обманывала, против раздираемой внутренним конфликтом Империи выступило в общей сложности одиннадцать стран.

В общем, попытка буржуазной революции (а какой ещё, если главными оппонентами мятежников выступили крупные феодалы?), не взлетела. Вроде как отжившая своё, доминирующая общественная надстройка оказалась радикально не согласна с объективными историческими процессами и успешно отстучала потенциальных сменщиков.

Во что это вылилось, я мог прекрасно наблюдать сейчас.

Нет, после победы верных Императору сил, несмотря на послевоенную разруху, всё оказалось не так уж и плохо — по крайней мере, по утверждениям авторов исторического труда. Разбив передравшихся меж собой интервентов, наша страна выбила из них огромные репарации, которые пошли на восстановление разрушенного в ходе боёв. Также на руководящие должности, сменив родовитых бездарей, смогли выдвинуться компетентные кадры. Всё же большая война, при всех своих недостатках, неплохо почистила управленческий аппарат от накали. Логика тут простая: либо власть заменяла высокопоставленных друзей-родственников на тех, кто способен справиться с возникшими задачами, либо победители меняли её саму.

Также царствовавший в те века правитель и стоящая за ним группировка для предотвращения новой волны восстаний всё же вынужденно бросили недовольным жирную кость. Сие описывалось как большое благодеяние и несказанное милосердие, хотя, как по мне, подачка вышла скорее косметической. Крестьяне стали формально свободными, хотя и земля и все постройки на ней так и остались собственностью помещиков; в Палате лордов выделили некоторое количество мест для выборных представителей из безземельной аристократии;

состоятельные люди получили возможность купить личное дворянство, а богатейшие — и наследуемый титул.

Всё подуспокоилось и придворные лизоблюды не преминули восславить мудрость победителей. Новый рассвет, серебряный век, возрождение — именно так в учебниках Базы именовались те времена. В прочитанном труде использовался более нейтральный, но, как по мне, такой же сомнительный термин «самоочищение».

Так или иначе, но сменилось поколение — и всё вернулось на круги своя. Монополисты задирали цены, провинция, лишившись заметной части производств, нищала, теряя покупательную способность, спрос падал, производство сокращалось, народ опять беднел и так по спирали вниз.

Некогда великая страна неумолимо сползала в смрадное болото деградации.

Разумеется, тут мои предположения превалировали над подтверждёнными фактами, и реальная картина могла выглядеть не совсем так, но общая канва виделась достаточно ясно. В конце концов, побывав с недружественными визитами во всех концах Империи, я мог прекрасно наблюдать, к чему всё пришло, лично. Особенно контрастно ситуация смотрелась в сравнении с миром Виктора, который не без проблем и угрозы Третьей Мировой, но продолжал развиваться даже в третьем тысячелетии.

И знаете, что самое забавное? Назреть и перезреть нарыву, доведя ситуацию до такого плачевного состояния, позволили именно технологическое превосходство и более совершенная методика подготовки воинов духа. То, что вознесло Империю на вершину — её же и топило. Вот и ломались хребты одного мятежа за другим, вот и не пытались во Дворце что-то менять. А если и пытались, то (по примеру прошлого Императора) долго не жили.

Ведь отчего соседи не надавали Империи отрезвляющих пощёчин? Да всё оттого же. Технологический разрыв как был, так и остался. У западников всё вроде бы хорошо обстояло только с алхимией и химерологией. Северяне, как вторые по развитости, только начали осваивать паровые технологии и из оружия имели паршивые штуцера да дульнозарядные «ядерные» пушки. Ах да: по непонятной мне причине все окружающие государства усердно копировали «прогрессивное» устройство своего более могущественного соседа.

Видимо, идиотизм заразен.

Но всё-таки решительно непонятно, почему технологии так плотно буксовали на месте. В Империи наличествовали электрогенераторы, а значит, должны быть электродвигатели и те же трамваи. Электромобили тоже могли появиться, но тут стоял вопрос наличия ёмких аккумуляторов. Построить автомобиль с двигателем внутреннего сгорания? При наличии техзадания — запросто! Чтобы это понять, достаточно походить по центральным районам Столицы, посмотреть на здания и одежду прохожих. Что тяжёлая, что лёгкая промышленность, несмотря на регресс технологий, всё ещё оставались на должном уровне.

Но не было автомобилей, не было поездов — ничего не было, даже колючей проволоки!

Можно понять причину, по которой северяне не пытались строить паровозы. Всё-таки монстры крайне сильно не любили воняющие и громыхающие штуки — как и заводы, их производящие. Но отсутствие попыток устроить что-то похожее на ЖД-пути у нас во Внутреннем Поясе или хотя бы в Столице вводило в недоумение. Это же выгодно! Неужели никто не додумался?

Как-то сомнительно.

Инерция мышления? Сопротивление коннозаводчиков и создателей ездовых химер? Или хозяева производственных мощностей настолько обленились, что вообще не желают вкладываться в новые проекты? А как же изобретатели-энтузиасты? Непонятно.

Если вернуться к политике, напрашивался вывод, что смена правительства пусть и не совсем бесполезна, но коренные проблемы Империи не решит. Нужно менять правящий класс, интересы которого оно представляло. Для начала стоило убрать хотя бы владевших землями и производствами лордов, в интересах которых и принимались законы.

Уничтожить вековые монополии, а также отобрать у дворян исключительное право на владение землёй, право не платить налоги и прочие вольности... всё это стало бы очень хорошим шагом для экономики, но явно непростым делом на практике.

Да... непросто. Похоже, сохранить Империю будет сложнее, чем казалось. А уж обойтись без большой крови и вовсе вряд ли удастся. Даже у законопослушных японцев с их проведённой сверху революцией Мэйдзи, которая по большей части «передела» феодалов в собственников — и то не обошлась без внутренней войны. Впрочем, не человеку, половина познаний которого происходила из аниме и фильма «Последний самурай», рассуждать об истории этой страны.

Размышления о неизбежности революции ни на коп* не прибавляли симпатии мятежникам, но заставляли задуматься об их потенциальной полезности.

/* — мелкая медная монета, от латинского Cuprum (медь)./

Не нужно быть гением, чтобы понять: даже поднявшись на самую вершину власти, реально что-то поменять окажется крайне сложно. Любая попытка изменить существующий порядок вызовет ожесточённое сопротивление. Всегда вызывает. Хотя, конечно, близящееся «время перемен» играло на руку любому реформатору, значительно расширяя окно возможностей и превращая немыслимое ранее в просто опасное и сложно реализуемое.

Попытка отобрать привилегии, безусловно, вскинет на дыбы всех наслаждающихся нынешней действительностью. Но так ли их много? Точной статистики я в руках не держал, но где-то слышал, что сколь-нибудь серьёзными землями и средствами производства владело не более пяти процентов дворян, остальные оставались мало- и вообще безземельными, не блистая особым богатством. Что простым благородным с лишения тех вольностей, которые у них и так прописаны лишь на бумаге? Поманить их красивой морковкой в виде освободившихся высших чинов — и они сами яростно вцепятся в глотки более удачливых (и оттого ненавистных) конкурентов!

Само собой, те пять процентов власть имущих в обычных обстоятельствах могли сломать спину любому, кто начал бы скалить в их сторону клыки. Но тут всплывало обстоятельство намечающейся гражданской войны, которая позволит под благовидным предлогом выбить самых могущественных и опасных противников. Как говорится, «война всё спишет» — тем более война междоусобная.

Особенно удобно будет действовать под крылышком Онеста. Предателей и «предателей» вырежем явно, под коллективное одобрение правящей партии, а над лояльными представителями власти поработают мятежники или «мятежники». Красота! В итоге государственный монстр, лишённый глаз, когтей и зубов, станет на порядок менее опасен. Но тут важно соблюсти баланс и, старательно калеча имперскую Сциллу, не оказаться в зубах

революционной Харибды — или наоборот.

Остальных недовольных можно умаслить и/или утопить в крови контрреволюционного террора. На этой же волне будет очень удобно аннексировать земли лордов-мятежников, причастных и просто «попавших под горячую руку». Не дело это, когда добрую половину территорий страны занимают фактически независимые владения.

Быть может, строить планы столь космических масштабов, располагая в союзниках одним Наталом, а в подчинённых — всего двумя достойными упоминания марионетками, «немного» самонадеянно. Но в том и вся соль, что, имея пусть не доскональные, но знания будущего, я может и смутно, но видел общую картину. Какое-никакое понимание происходящих процессов тоже играло на руку самозваной, хех, вершительнице судеб. Так что, владея общими раскладами, уже можно представлять, в какую сторону нужно двигаться и к чему готовиться.

Тот же старик Будо, при всей моей к нему симпатии, является представителем старой аристократии и — уже просто в силу возраста — личностью весьма упёртой. Имея за спиной крайне богатый и влиятельный род, главнокомандующий вряд ли поддержит реформы, идущие во вред его близким. На начальных этапах он кажется полезным как противовес фракции Онеста, но чем ближе к финалу, тем большую угрозу будет нести старик. Фактически из предполагаемого ситуативного союзника этот эпичный дед станет вероятным врагом.

Печально. Будо мне нравился, жаль будет убивать старика. Хотя марионеткой он бы оказался великолепной.

Странно, но окончательное принятие того, что уповать не на кого, а любой найденный союзник, в случае чрезмерного к нему доверия, может (и попытается!) использовать возомнившую о себе убийцу в своих интересах — даже приободрило. Наверное, то же чувство испытал бы утопающий, поняв, что никто не станет его спасать. С одной стороны — не радостно, а с другой — больше не нужно тратить силы на бесполезные попытки привлечь внимание.

Выплыви или сдохни!

Как писал Макиавелли, «все вооружённые пророки побеждали, а все безоружные гибли». В

глупцы сего достойного мужа не запишешь, а потому стоило прислушаться к старой мудрости. Судьба Кассандры при недоверчивом патроне меня не устраивала, а значит — начнём готовиться и вооружаться. Проверим, сможет ли пешка соскочить с доски и вскрыть глотки гроссмейстерам!

На лицо сама собой напознала злая, предвкушающая улыбка.

* * *

Отдыхая от умственного напряжения, я бездумно листал страницы, глядя в пустоту. Акира, Бэйб и Натал, занятые своими делами, мне не мешали, так что просидеть удалось до тех пор, пока меня не отвлек вернувшийся из патруля шутник.

Скинув промокший от мелкой мороси плащ, парень сунулся было к своей подруге, но оказался безжалостно изгнан вытираться и сохнуть. Акира, ненадолго отвлекшись от своей «Принцессы» (которая вообще-то, как она сама же выяснила, оказалась мальчиком), вновь вернулась к несчастному зверю с уже двумя бантиками на ушах и ленточкой на шее. Потискав и поцеловав животное на прощание, рыжая с сожалением отпустила многострадального зверька и стала собираться.

Проводив девушку, желающий поболтать парень оценивающе глянул на присутствующих. Скользя взглядом по Бэйбу и Наталу, сосредоточенно читавшим бестиарии, брюнет, наконец, остановился на мне.

Это было не удивительно: в последние дни мы наладили отношения и достаточно часто болтали. Даже выписанные юмористу тумачи пошли этому потеплению отношений только на пользу. По крайней мере, третий номер Рейтинга сильно поубавил гонора и немного прибавил тактичности. Впрочем я и без того стал относиться к юмористу заметно терпимей. Конечно, Кей, когда его заносило, всё так же раздражал — но гораздо меньше, чем до обретения памяти прошлой жизни. Ныне мы мыслили если не на одной волне, то на близких частотах, периодически перешучиваясь. Парень, в отличие от молчаливого Бэйба, Акиры и даже Натала, неплохо понимал мои иногда откровенно чернушные шутки. Да и я относился к его местами пошловатому юмору без отвращения.

Да. Была, была у нас некоторая, хм, общность мировоззрений.

Что забавно, именно из-за этой общности я верил шутнику намного меньше остальных членов группы. Себе бы я точно доверять не стал, поэтому не доверял и Кей Ли. Слишком он мутный, слишком хорошо прятал свои мысли и чувства за маской шута. В общем, раскрываться перед ним я бы стал только в крайнем случае.

— Ищешь картинки, Куроме-чи?

— Нет, — последовал односложный ответ.

— Нет? Ты так сосредоточено листаешь эту снотворную книжку, будто надеешься найти там что-то важное. Чек на кучу золота, например, — усмехнулся парень, проигнорировав намёк на нежелание общаться.

— Всё, что мне требовалось, я уже нашла, а золото и своё некуда тратить. Думаю, — я потёр левый висок гудящей головы.

— Ты это, поосторожней, подруга, не увлекайся! От этого говорят, голова начинает болеть.

— Забыл наш уговор? Или хочешь взять реванш?

— Не-не, чего сразу реванш?! Я ж по-дружески! Не надо мне тут этих твоих улыбочек! — брюнет с преувеличенным испугом замотал головой, дотронувшись до рёбер. — Ты и так меня всего изукрасила. Я под одеждой теперь весь красно-сине-чёрный, как матёрый пират в татуировках! Хочешь, покажу?

— Не думаю, что увижу что-то интересное. Хм, хотя... Кей, а ты не хотел бы поучаствовать в исследованиях?

— Ай-ай, Куроме-чи, неужели ты хочешь меня, — парень пошло поиграл бровями, — исследовать?

— Да, тебе повезло. Мне нужен живой материал! Кхм, то есть я хотела сказать — отважный доброволец с высоким уровнем духовной силы. Хочу провести проверку устойчивости одарённых к воздействию энергии Яцуфусы. Меня тут посетила отличная идея, и если всё получится — Яцу сможет оставлять очень болезненные незаживающие раны, почти как клинок Акаме! Правда, круто?! Так ты поможешь мне? По-дружески?

— Ладно-ладно, могла и сразу сказать, что не в настроении, — парень сделал несколько шагов и плюхнулся на своё сиденье. — Хватит строить из себя начинающего маньяка, у тебя слишком реалистично получается, подруга. Мягче нужно быть, мягче! — вытянувшись вдоль сиденья, повторил парень. — Но чего ты в этой скукотени такого интересного выискивала?

— Уже ничего, просто размышляла над прочитанным. Занимательное чтиво.

— Стоп-стоп! Куроме-чи, ты хочешь сказать, что реально заглотила этот снотворный кирпич? Так быстро? Ты стала гением, а мы не заметили? — приподнявшись на своём месте, Кей скептически посмотрел на меня через спинку. — Там же нудятины на неделю!

Я почувствовал любопытные взгляды Натала и Бэйба.

— Так ты об этом? — на свет был извлечён запас вкусняшек и, отложив книгу в сторону, я принялся восстанавливать запас потраченных мозгом калорий. — Просто освоила новый фокус. Что-то вроде ускорения, но только для способности думать. Не слишком полезно в бою, но зато помогает быстрее читать и разбираться с бумагами. — Эффективность навыка я намеренно приуменьшил. Потому что сильно сомневался, что ребята, не освоив его на высоком уровне, смогут показать что-то, сопоставимое со мной, а при реальном описании своих возможностей это могло вызвать вопросы.

— И как сложно этому научиться, Куроме? — заинтересовался Натал, как основной составитель отчётов.

— Не знаю, у меня почти случайно вышло, — моя рука задумчиво погладила пушистый мех вернувшегося и освобождённого от бантиков некролика. — Но сам принцип не слишком сложный, — ненадолго замолчав, я попробовал подобрать слова для описания механизма действия навыка.

Объясняя принципы создания пока безымянной техники (а может, и известного всем, кому нужно, велосипеда), я на своей шкуре почувствовал затруднения Прапора, у которого требовал описание его пассивной защиты. Облечь в слова эфемерные ощущения оказалось крайне сложно. Способность думать в десятки раз быстрее, конечно, помогала, но и с ней доходчиво объяснить, что да как, оказалось непросто. Приходилось напрягать и так натруженную анализом прошлого гудящую голову и осмысливать сами собой получающиеся вещи, чтобы облечь их в слова.

В процессе кое-что и для меня самого открылось с неожиданной стороны; пришлось отвлечься и сделать пару заметок в блокноте. Получилось, что я не только учил, но и учился сам.

Забавно.

Сделав несколько перерывов, чтобы промочить горло, мне всё же удалось растолковать ребятам общую концепцию. Но это стало лишь началом. Позже предстояло помочь заинтересовавшимся товарищам разобраться с возможными проблемами и ошибками при выполнении нового приёма воинов духа.

Жалко ли мне было делиться одним из своих козырей? Да нисколько! Если это спасёт кого-то из наших — или хотя бы облегчит жизнь — я готов поделиться практически всем, что умел. За пределы Отряда знания всё равно не уйдут, а сила ребят — это и моя сила.

Не стоило забывать и о репутационном аспекте. Слава не контролирующей себя психопатки мне не нужна, зато слава наставницы и изобретательницы новых полезных техник — наоборот. Что наставники, что создатели навыков в среде воинов духа очень уважаемы, так что потраченное время, как ни крути, того стоило.

Бэйб и Кей Ли к обучению новому навыку сильного интереса не проявили. Здоровяк самокритично признал, что со своей отвратной чувствительностью к энергиям станет плохим

учеником. Собственно, с его упорством и усидчивостью, любителю резьбы по дереву просто потребуется больше времени. Кей, видимо, всё ещё недовольный тем, что его «разжаловали в рядовые», отшутился, сказав, что простой рубака больше не должен возиться с отчётами, а значит и «грозой бумажек» ему становится не обязательно. Впрочем, это не мешало шутнику внимательно слушать. В «прямые ученики» записался только Натал и, к моему удивлению, вернувшаяся из-за начавшегося ливня Акира. Девушка сочла, что для неё, как полевого медика, умение окажется полезным.

Путь продолжался. Патрули решили прекратить до окончания ослабевшего, но и не думавшего прекращаться дождя. Крайне сомнительно, что банда разбойников или наёмников осмелится нападать так близко от Южной Крепости. Тем более, что-то взбудоражило войск, и обычные патрули близ города оказались усилены. Мимо нас проскакало уже несколько конных отрядов, которые базировались на расставленных вдоль тракта опорных пунктах. Кстати, наличие этих пунктов и патрулей прекрасно иллюстрировало разницу между зоной ответственности Будо, простиравшейся на два дневных перехода перед Южной Крепостью, и дорогой, проходящей уже с внутренней стороны Стены, по которой — трудами нового минобороны, чтоб ему сдохнуть без погребения! — невозбранно гуляли монстры.

Пространство внутри кареты погрузилось в тишину. Натал и Акира выслушав мои инструкции, пытались сделать первые шаги в освоении новой способности, а Бэйб и так не отличался болтливостью. Лишь неугомонный Кей временами прерывал молчание своими шуточками; почему-то словосочетание Куроме-сенсей его веселило. Впрочем, после того как озлившаяся на сбивающие концентрацию подколки Акира огрела зубоскала ножнами, тот напоказ разобиделся и замолчал. Достав из сумки томик трэшовой манги «Сиськи-убийцы», парень сел поближе к окну и принялся читать очередной образчик «высокой литературы».

Я же, побыв в роли наставника, не стал возвращаться к чтению, а, чуть отдохнув, решил сменить род деятельности на тренировку по управлению нежитью. Откинувшись на сиденье, начал потихоньку отрабатывать мысленные команды, заставляя пушистика то дёрнуть лапой, то посмотреть в сторону, то прислушаться.

Забавное занятие. Зверёк даже не понимал, что им управляет злобный некромансер, принимая приказы за свои желания, но стоило отдать некорректную команду — и он потешно дёргался, начиная выискивать неведомую опасность.

Смешной он. И милый.

Дождь, словно стремясь отыгаться за почти месяц ясной погоды, лил до самого вечера. Так что даже на время остановки никто не пожелал покидать сухую карету. Перекус нам доставила пара вооружённых зонтами миловидных служанок Иводзимы в сопровождении хмурого и мокрого охранника, который и тащил большую часть груза. Надо сказать, что Натал таки раскрутил торговца на улучшенное питание и тот серьёзно подошёл к выполнению своих обязанностей. Еда и правда оказалась довольно вкусной, а для походных условий — и вовсе роскошной.

Лишь незадолго до ночёвки тучи, преследовавшие караван, наконец, иссякли. К этому времени я уже относительно неплохо научился отдавать простые мысленные команды, формируя чёткие мыслеобразы и не засоряя их белым шумом фоновых мыслей. Кролик забавно вставал на вытянутых задних лапах, прыгал в указанные места и, стоило щёлкнуть пальцами, притворялся убитым. Да-да! Мёртвый зверёк изображал, что он мёртв. От этого зрелища мои губы исправно растягивались в улыбке.

Кей шутил, что у меня открылся талант педагога-дрессировщика и по прибытию на Базу «Куроме-сенсей станет нашим новым главным инструктором». Остальные ребята склонялись к тому, что ушастого уже кто-то обучал командам. Лишь Натал, как мне показалось, о чём-то догадывался: уж слишком у него был задумчивый взгляд.

* * *

Местом ночёвки стал постоянный двор, расположившийся рядом с небольшим поселением. Ну, или посёлок стоял рядом с постоянным двором. Хотя, что вероятней, они оба появились рядом с опорным пунктом вояк.

Огороженное добротным забором двухэтажное пристанище путников — в форме буквы «П», если взглянуть на него сверху, — окружали вспомогательные здания вроде каретного сарая и конюшни. В целом оно выгодно отличалось от неказистых хибарок селян.

Большинство приземистых поселковых изб покрывали солома или дранка, окна затягивал бычий пузырь — словно в настоящем средневековье. Даже так сами дома, несмотря на отсутствие у большинства «роскоши» в виде стёкол и черепицы, выглядели на общем фоне других деревень довольно прилично. Заметно, что у местных хватало средств и времени следить за жильём. Сами крестьяне тоже не производили впечатления заморённых голодом и непосильным трудом рахитов. Деревенька если не процветала, то и не бедствовала.

Глядя на влажную землю, пришлось констатировать, что поупражняться во владении клинком сегодня не выйдет. Выгрузившись, я приказал питомцу следовать рядом и не отдаляться, но неожиданно ощутил странное подёргивание управляющей нити. Не такое, как если бы зверёк пытался вырваться из-под контроля, а словно он был чем-то... обеспокоен? Я озадачено посмотрел на засуетившегося некрокролика.

«И чего ему надо? Может, в туалет?» — учитывая, как активно Акира пичкала «Принцессу» фруктами, предположение звучало логично.

Как только я дал мысленное разрешение удалиться по «зову природы», ушастый комок меха с места набрал приличную скорость, скрывшись в кустарнике.

Какой воспитанный!

— Принцесса! — восторженно воскликнула рыжая, но я остановила её:

— Он вернётся. Пусть сходит в кусты. И я ведь говорила, что кролика зовут не Принцесса. Между прочим, ты сама проверила, что он мальчик. Нет, кличка Принц, мне тоже не нравится, — добавил, предвидя реплику рыжей.

Почему-то идея называть кролика так же, как и безымянного предводителя восстания четырёхвековой давности, казалась оскорблением его памяти. Может, Яцуфуса когда-то принадлежала одному из его Имперских Рыцарей? Теоретически из-за связи тейгу/хозяин артефакт мог сохранить крупницу духовного тела и отпечаток сути своего прошлого владельца. Яцу несколько веков пролежала в сокровищнице Храма-гробницы, и последним её носителем действительно мог быть кто-то из сторонников Принца.

Надо выкроить время и на проверку этой идеи. Когда-нибудь потом, когда закончатся более полезные.

— А я считаю, очень милое имя для такого красавчика! Он такой миленький и маленький, так бы и зацеловала! Как насчёт прозвища Сахарок?

— Нет, Акира! Я не буду так называть своего питомца.

— Сама придумывай тогда, — обиженно отвернулась девушка.

Я задумчиво оглядел окружающую суету, пытаюсь найти подсказку для прозвища, но как назло ничего толкового в голову не приходило. Даже ритуальное почёсывание макушки не помогло!

— Хах, зря ты это сказала, Огонёк, — заметил остановившийся рядом Кей. — Держу пари, наша Куроме сейчас выбирает между Пожирателем Трупов и Кровопийцей.

— Это же неправда? Ты же не собираешься называть Принцессу таким отвратительным именем? — повернулась ко мне девушка. — Даже не думай, Куроме!

— Нет, — я покачал головой. — Слишком долго выговаривать, да и звучит как кличка тупого главаря разбойников, — хотя стоило признать, мелькала у меня мысль назвать кролика Монстром.

«И как же его тогда назвать? Пушистик? Как-то несолидно для немертвого порождения демонического артефакта.

Демонического? Хм...»

В голове всплыл образ любимца из прошлой жизни — кота Бегемота, почившего в почтенном возрасте девятнадцати лет. Бабуля, большая любительница «Мастера и Маргариты», назвала маленького чёрного котёнка в честь спутника Воланда. И, словно пытаюсь соответствовать своему громкому имени, Бегемот вырос крупным, наглым и умным. А ещё предельно высокомерным со всеми, кроме меня — будто помнил, кто в детстве вытащил из лужи и принёс в тёплый уютный дом жалобно мяукающий, мокрый, чёрный комочек.

Белый кролик, конечно, не чёрный кот и Бегемотом его не назовёшь, но почему бы не

воспользоваться тематикой и не наречь пушистого в честь кого-то из архидемонов?

— Придумала! Теперь тебя зовут — Люц, а полностью — Люцифер, — сказал я вернувшемуся зверьку. Да, для кролика чересчур претенциозное имя, но соблазн иметь ручного Люцифера оказался слишком велик.

— Люцифер? — покатав кличку на языке, повторила Акира. — Странное имя, но звучит неплохо. Оно что-то означает?

— В переводе с мёртвого языка — Светоносный. В одной из религий — ангел, восставший против бога и ставший его главным врагом.

— Хорошо хоть не Пожиратель Трупов, — закатила глаза девушка.

— Здрасти, вашества! — подбежал к нам босой мальчишка лет десяти и неумело, но низко поклонился. Одет он был в длинную домотканую рубаху, перетянутую в поясе солдатским ремнём. — Тама, эта, господин Натал зовут вас! В нумера селиться, значитца.

Подхватив вещи, мы двинулись к зданию постоялого двора. Акира обратила внимание на паренька, который продолжал мяться рядом.

— Чего тебе?

— Медячок бы, — посмотрел тот с надеждой. — А я вам сумки донести сподмогу, а?

«Нашёл, у кого просить монетку», — усмехнулся я. Бережливая Акира даже нас иногда пыталась отчитывать за лишние, по её мнению, траты.

— Иди отсюда, вымогатель! — подтвердила мои мысли девушка. — Тоже мне, помощник! Хотя стой, — рыжая достала леденец на палочке, — на вот, угощайся, разбойник.

— Эй-эй, леденец стоит дороже медяка! Акира-чи, где логика? Или ты — как Куроме, решила поиграть в злого учёного? Эй, как там тебя! Выплюнь каку, он ядовитый!

— Заткнись, идиот! Не слушай его, мальчик!

— Да-да, не слушай меня, если хочешь умереть! ...

Я ускорил шаг.

* * *

— Не понимаю! Как можно так хорошо чувствовать инструмент, столь быстро учиться и допускать настолько очевидные ошибки? — Эрис покачала головой, в очередной раз поправив «очевидную» ошибку, которую ни я-Виктор, ни слушатели в лице приятелей и деда с бабулей не замечали на протяжении без малого пятнадцати лет.

— Очевидные для специалистов ошибки — очевидны только специалистам, — философски заключил я, положив гитару на диван. — Ладненько, план минимум выполнен, можно и перекусить. Вы как на это смотрите? Эрис? Натал?

— Я схожу, — поднялся со стула друг. — Что вам заказать?

Озвучив свои пожелания, я стал меланхолично поглядывать на переросший во флирт диалог Натала и Эрис.

«Вот ведь засранец, увёл-таки! — беззлобно ругнулся я в адрес друга. Хотя, судя по его поведению, парень своего успеха пока не осознал, да и не стремился к нему сознательно. — Эх, не стоило идти на поводу у Эрис и звать Натала с собой. К кому мне теперь приставать?»

Несмотря на толерантное отношение к моим шуткам и двусмысленным — а иногда и не очень — намёкам, светловолосая артистка оставалась гетеросексуальна. Мне мало что светило даже раньше, а уж теперь, с появлением "конкурента", так и совсем ничего.

С одной стороны, я не так уж стремился затянуть девушку на «розовую сторону силы» и вполне искренне радовался за друга. Но с другой — грызло, грызло на краю сознания собственническое чувство. Как это так — мой друг заигрывает с симпатичной мне особой?! Тлеющее раздражение не вспыхнуло пламенем злобы только потому, что к обеим возможным целям я относился слишком хорошо.

Вот и посматривал на блондина и блондинку со сложной смесью эмоций, в которой всё же главенствовала светлая часть. Этакая белая зависть плюс пожелание доброго пути.

Зато для залётного ухаля всё могло закончиться очень плохо, да.

«Ну и ладно! Заведу себе симпатичную марионетку: уж её точно не отобьют! Или вообще соберу себе боевой некрогарем — на страх врагам, друзьям на зависть!»

* * *

— Теперь ты сыграешь нам, Куроме?! — любопытно блеснула глазами Эрис, когда с перекусом мы благополучно покончили.

— Хорошо, если ты просишь. Но только один раз, всё-таки уже поздно. Кое-кто слишком долго учился разбирать и чистить простейший по конструкции револьвер, — подпустил я шпильку в ответ на «очевидные» ошибки в своём мастерстве музыканта.

— Просим, просим! — девушка захлопала в ладоши.

— Сыграй нам, Куроме, — поддержал её улыбающейся Натал.

«Давно он так не улыбался. Наверное, действительно не стоит им мешать».

Песню я выбрал не требовательную к мастерству исполнителя и под стать сегодняшнему настроению. Размышления о далёком прошлом и относительно скором настоящем меня так и не оставили, как и странное чувство близости к скупым строчкам описывающим события тех далёких лет.

Интересно, что думали лидеры мятежа, планируя развязать войну? Или они, как и я, изначально желали повернуть всё тихо и малой кровью?

На лицо напозла иронично-злая и одновременно грустная улыбка, а пальцы ударили по струнам.

— Я не вступаю в безнадежный бой...*

«Самоубийца!» — слышу за спиной.

Но знаете, на том, на этом свете ли,

Я не вступаю в безнадежный бой.

Там выход был. Вы просто не заметили.

Стратег? Ну да, возможно я такой.

Один клинок — на сотню небожителей?

Я не вступаю в безнадежный бой.

Я собираюсь выйти победителем.

Вообще-то, знаешь... план был неплохой.

Немного подкачало исполнение.

Я не вступаю в безнадежный бой.

Зверь не способен к саморазрушению.

Прости. Прощай. Я скоро за тобой,

Похоже, не успеешь и соскучиться...

Не ясно, чем это было вызвано: то ли действительно сохранившимся следом прошлого владельца тейгу, то ли чтением и активным размышлением на исторические темы, но нечто внутри откликалось на музыку и слова.

От куплета к куплету эмоции перетекали от чего-то, похожего на праведную злость и воодушевление — к просто злости, а затем и едко-грустной иронии, с коей и должно воевать за безнадежно проигранное дело.

— Я не вступаю в безнадежный бой.

Я просто — в бой.

А дальше — как получится.

Примечание к части

<https://www.youtube.com/watch?v=7tYHCmQqj4E>

А.Н. — бечено х3.

Вспомнив песню, аж прослезился.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4805472>